

Валентин ШЕЛОХАЕВ,
доктор исторических наук

«НАША ЧЕРНОРАБОЧАЯ ПРОГРАММА»,

или Семь пунктов Столыпина

В период масштабных трансформаций, переживаемых современной Россией, необходимо переосмыслить опыт сходной ситуации, имевшей место в начале XX века. Особый исследовательский интерес в этом контексте представляет анализ столыпинских реформ. Личности Петра Аркадьевича и его преобразованиям посвящена огромная историография, созданная несколькими поколениями отечественных и зарубежных исследователей различных идеологических направлений и научных школ¹. Однако парадокс в том, что до сих пор нет специальных работ, посвященных изучению взглядов Петра Аркадьевича, которые лежали в основе его исходного замысла и «технологической цепочки» реализации реформаторского курса. В последнее десятилетие издание Фондом изучения наследия П. А. Столыпина ряда фундаментальных документальных публикаций даёт исследователям уникальную возможность: приступить к изучению *системы* мировоззренческих, идеологических, политических и социокультурных представлений одного из выдающихся реформаторов дореволюционной России².

Попытаемся на базе комплекса источников систематизировать смысловые высказывания, содержащиеся в выступлениях Петра Аркадьевича в Государственной думе и Государственном совете, в Совете по делам местного хозяйства, в его отчётах и документах, записках, письмах и интервью³.

Во-первых, через все сохранившиеся столыпинские тексты красной нитью проходит мысль о необходимости идти «своим, русским, национальным путём»⁴. Из этой посылки не следует, что Столыпин игнорировал западноевропейский, или шире — мировой опыт. В источниках имеются свидетельства того, что он внимательно изучал этот опыт, стремился его теоретически актуализировать и использовать практически с учётом исторических особенностей России. Тем не менее определяющим для него был национальный исторический опыт, вошедший в себя

П. А. Столыпин четырёх лет с младшим братом А. А. Столыпиным (впоследствии известным публицистом и общественным деятелем). 1866 г.

особенности формирования российской государственности, совокупность социокультурных факторов и вековых традиций русского народа. Именно в этом контексте приобретает особый смысл высказывания Столыпина о его «неуклонной приверженности к русским историческим началам», к «русскому национальному пути».

Во-вторых, Столыпин прекрасно осознавал всю сложность переживаемой Россией ситуации. Характеризуя её, он использовал ёмкие определения: «перестройка и брожение», «великий исторический перелом», «время переустройства всех государственных законодательных устоев»⁵. По сути, речь шла о масштабном переходном периоде, когда, по выражению самого премьера, совершался процесс «новоскладающейся государственной жизни России»⁶. Гипотетически допустимые хронологические рамки это-

го переходного времени Столыпин определял вполне реалистически. В интервью саратовской газете «Волга» 1 октября 1909 года премьер-министр заявил: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» Опыт современной России подтверждает нереальность каких-либо сиюминутных трансформаций, дающих позитивные результаты.

В-третьих, в рамках переходного периода Пётр Аркадьевич предполагал решить две взаимосвязанные проблемы: текущую, суть которой состояла в выводе страны из состояния «анархии и хаоса», и перспективную — осуществление комплекса системных реформ для создания стабильной и динамично развивающейся страны. Ещё в 1972 году выдающийся историк Валентин Семёнович Дякин (1930–1994) обратил внимание на важное высказывание Столыпина: «Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в

лучшем случае устраним последствия, а не причину. К тому же этот путь торжественно возведён, создана Государственная дума, и идти назад нельзя. Это было бы роковой ошибкой: там, где правительство победило революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать всё творчество правительства на полицейские мероприятия — признак бессилия правящей власти»⁷. При этом премьер-министр был убеждён в том, что любого рода революционные эксцессы «должны пресекаться без колебаний», и «если государство не даст им действительного отпора, то теряется самый смысл государственности». Подчёркивая, что именно «бездействие власти ведёт к анархии», Пётр Аркадьевич был убеждён, что «священная обязанность» правительства состоит в том, чтобы «ограждать спокойствие и законность, свободу не только труда, но и свободу жизни, и все меры, принимае-

мые в этом направлении, знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ»⁸.

Из этой посылки следовал более общий социологический вывод: ограждая население от революционных эксцессов, правительство обязано «идти по пути строительства, чтобы создать вновь устойчивый порядок, зиждущийся на законности и разумно понятой истинной свободе». Эта стратегическая задача не могла «меняться в зависимости от злого умысла преступников: можно убить отдельное лицо, но нельзя убить идею, которую воодушевлено правительство»⁹.

В-четвёртых, по мнению Столыпина, манифестом 17 октября 1905 года в России был установлен «представительный строй», дарованный «самодержавным монархом» и, следовательно, обязательный для всех его верноподданных¹⁰. По мере дальнейшей эволюции политической системы «преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое»¹¹. Как видим, Пётр Аркадьевич вполне чётко указывал вектор переходного процесса — создание в России правового государства.

В-пятых, очень важно уяснить понимание самим Столыпиным природы и функций Российского государства, которое он рассматривал как монархическое, национальное (русское) и православное.

Обратим внимание на характеристику им двух типов государств: европейского, где конституционный режим уже давно стал историческим фактом, образом мысли и действия большинства, и российского, где «обновлённому» после манифеста 17 октября политическому строю ещё предстоит медленное «вживание» в традиционную национальную ткань. В первом случае, считал Пётр Аркадьевич, речь шла о государстве, «понимаемом как совокупность отдельных лиц, племён, народностей, соединённых одним общим законодательством, общей администрацией», которое, «как амальгама, блюдёт и охраняет существующее соотношение сил». Второй же тип представлял «государство как некую силу, союз, проводящий народные исторические начала. Такое государство, осуществляя народные заветы, обладает волей, имеет силу и власть принуждения, такое государство преклоняет права отдельных лиц, отдельных групп к правам целого».

«Таким целым я почитаю, — говорил Столыпин, — Россию»¹². Именно из этого исходил он, неоднократно утверждая, что государство является высшей ценностью, а его общее «благо» — высшим законом. Характерны также высказывания премьера

о том, что в ситуации, угрожающей распаду государства, власть обязана использовать и меры внеправового характера, чтобы сохранить единство страны¹³.

В программной речи 16 ноября 1907 года в III Думе Столыпин заявил, что «русское государство росло, развивалось из своих собственных русских корней, и вместе с ним, конечно, видоизменялась и развивалась и верховная царская власть»¹⁴. Из данной посылки вытекало, что все изменения политического строя в России произошли именно «сверху», по инициативе и воле монарха, установившего «правовой уклад, соответствующий русскому народному самосознанию»¹⁵. По своим исходным политическим представлениям премьер был последовательным сторонником монархического принципа, который, по его мнению, пронизывал и всю «обновлённую» политическую систему после издания манифеста 17 октября. Пётр Аркадьевич был убеждён в том, что, отстаивая принцип монархизма, он выражает широко понятое и осознанное большинством общенациональные интересы¹⁶.

В-шестых, «маховиком» всей государственной жизни страны должно было стать сильное правительство, назначаемое монархом и действующее под его непосредственным контролем. Внимания заслуживают критерии, на основе которых Столыпин подбирал правительственную

П. А. Столыпин разговаривает с хуторянами близ Москвы. Август 1910 г.

«команду», роль которой в переходный период представлялась весьма важной. Недаром Пётр Аркадьевич подчёркивал: «В тех странах, где ещё не выработано определённых правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях»¹⁷. Сильная и эффективная власть, считал он, должна иметь вполне определённые и ясные идеалы, обладать «зрелой государственной мыслью и твёрдой государственной волей», быть «хранительницей государственности и целостности русского народа»¹⁸, осуществлять общенациональную политику и во всех своих действиях руководствоваться исключительно государственными интересами. «Мы, — говорил Столыпин о возглавляемом им правительстве, — рулевые, стоящие у компаса, и должны смотреть только на стрелку... Мы — межевщики, которым доверены межевые признаки... Мы — главные, поставленные для охраны демаркационной линии»¹⁹.

Подчёркивая, что в условиях переходного периода принципом «государственного напряжения» должно стать общепонятное русское слово «поднатужиться», Столыпин считал, что правительству следует взять на себя всю тяжесть ответственности за судьбы страны. Требуется создать стройный и эффективный центральный и региональный аппарат управления, иметь на местах «исполнителей испытанных, которые являются его руками, его ушами, его глазами»²⁰. Он был убеждён, что, укрепляя вертикаль власти, правительство должно вести яркую рациональную политику, со всей настойчивостью и целеустремлённостью реализовать в своей программе идею преобразования России «не в направлении радикального, но постепенного прогресса и закономерности»²¹.

В-седьмых, в условиях преобразований особое значение приобретала проблема налаживания оптимального сотрудничества между «обновлённым» правительством, ответственным перед монархом, и вновь возникшими представительными учреждениями. Для совместной работы исполнительной и представительной власти, заявлял Столыпин, крайне важно найти «тот язык, который был бы одинаково нам понятен». Такой «язык», по его мнению, мог сформироваться на основе одинакового понимания правительством и «молодым народным представительством» общегосударственных и общенациональных задач. Обе ветви власти, считал председатель Совета министров, должны проводить в жизнь «обдуманное и твёрдое новое начала государственного строя», что способствовало бы «успокоению и возрождению нашей великой страны»²².

В русле перечисленных концептуальных установок осуществлялась разработка идеологии и методологии плана реформ, который Столыпин образно называл «наша чернорабочая программа»²³. Очевидно, что Пётр Аркадьевич не только обладал аналитическим типом мышления, но и смог создать целостную программу реформирования России. Его историческая заслуга состоит в том, что он впервые применил системный подход при разработке и реализации реформ, охватывающих все без исключения ключевые сферы жизнедеятельности страны. Предложенная Столыпиным программа представляла собой национальный тип модернизации России в условиях перехода от аграрного общества к индустриальному, от сословного — к гражданскому, от неограниченного самодержавия — к правовому государству. В сфере устройства политических институтов и структур, определения их прав, компетенций и технологических решений такой тип модернизации можно определить как *консервативно-либеральный*. Что же касается других сфер реформирования, то здесь явно преобладали либеральные начала.

Тип модернизации России, предложенный Столыпиным с учётом своеобразия момента, представлял, на мой взгляд, наиболее оптимальный вариант, который «отсекал» и правоконсервативную модель переустройства страны, и леворадикальные варианты, чреватые непредсказуемыми потрясениями и национальной катастрофой. Столыпинский тип модернизации был рассчитан на постепенную трансформацию России в «русском национально-государственном русле». Не случайно глава правительства столь пристальное внимание уделял укреплению государственности, системы административной власти как по вертикали, так и по горизонтали. В условиях переходного периода государство и его институты, по мысли Столыпина, должны были функционировать в режиме «общего замысла» и «общей воли», инициировать и контролировать всю «цепочку» системных преобразований. Только при этом условии ре-

формы могли дать искомый результат — создать подлинно Великую Россию.

В сравнительно сжатые сроки столыпинских преобразований Россия достигла зримых и внушительных результатов. По темпам экономического роста страна вышла к 1913 году на первое место в мире, а по валовому национальному производству — на пятое. Это свидетельствовало о том, что предложенный Столыпиным тип модернизации оказался результативным, соответствуя государственным и общенациональным интересам России. На мой взгляд, это было связано с двумя важными обстоятельствами: с пониманием ролевых функций государства и его институтов в переходный период и с раскрепощением личности, использованием её творческой энергии во всех сферах жизни.

Несостоятельными мне видятся попытки предъявить Столыпину запоздалый «счёт» за будущую революцию, развал империи и рост национализма. Результаты столыпинских преобразований свидетельствуют как раз об обратном. Недаром его так ненавидели и ультрареакционеры, понимавшие, что реформы ведут к смене политической элиты в стране и трансформации форм собственности (прежде всего латифундиальной), и леворадикалы-экстремисты, которые в случае удаchi правительственного эксперимента оказались бы вне контекста политического процесса в России. Не случайно трагическая гибель Столыпина в Киеве была с одинаковым ликованием встречена и реакционными, и левыми кругами, сознававшими, что успех реформ означает крах их замыслов.

После смерти реформатора намеченные им преобразования, разумеется, продолжались. Но у новых исполнителей не хватало ни воли, ни энергии, присущих Петру Аркадьевичу. Поэтому было бы некорректным — как с научной, так и с моральной точки зрения — предъявлять ему претензии по поводу того, что делали уже другие. Столыпин же предложил действительно рациональный тип модернизации России, и не его вина, что последующая история распорядилась иначе.

Примечания

1. См. напр.: П. А. Столыпин. Библиографический указатель. М. 2002; Анфинов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М. 2002; Сидорович Г. П. П. А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862-1911). М. 2002; Кара-Мурза С. Столыпин — отец русской революции. М. 2002; Фёдоров Б. Г. Пётр Аркадьевич Столыпин. М. 2002; Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX в. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М. 2003; Россия сельская. XIX — начало XX века. М. 2004.
2. См.: П. А. Столыпин: Программа реформ. Документы и материалы.

3. Т. 1-2. М. 2003; Тайна убийства Столыпина. М. 2003; Столыпин П. А. Переписка. М. 2004.
4. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911. М. 1991; Столыпинская реформа и землеустроитель А. А. Кофод. Документы. Переписка. Мемуары. М. 2003.
5. См.: Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... С. 338, 362-363.
6. Там же. С. 50-51.
7. Там же. С. 51.
8. Дякин В. С. Столыпин и дворянство/УПроблемы крестьянского землевладения и внутренняя политика России.

Л. 1972. С. 233-234.

9. П. А. Столыпин: Программа реформ... Т. 1. С. 29,41, 364.
10. Там же. С. 29-30.
11. Там же. С. 103.
12. Там же. С. 51, 53.
13. Там же. С. 340.
14. Там же. С. 75.
15. Там же. С. 107.
16. Там же. С. 102-103.
17. Там же. С. 94-95, 165.
18. Там же. С. 65, 158.
19. Там же. С. 63, 101, 130.
20. Там же. С. 174-175.
21. Там же. С. 104, 156.
22. Там же. С. 148, 304, 350.
23. Там же. С. 63, 34, 50, 62-63, 86, 240, 264.
24. Там же. С. 239.